

**ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1943–1944 гг.****Е. Ф. Кринко*

Советская национальная политика относится к числу широко разрабатываемых и одновременно остро дискутируемых проблем в современной историографии. В значительной степени это объясняется не только различиями в сложившихся подходах и используемых источниках, но и идеологическими пристрастиями авторов, связанными с их общим отношением к советскому опыту. В результате оценки национальной политики в СССР порой кардинально расходятся — от ее прямых апологий, унаследованных из документов ВКП(б) — КПСС, до огульной критики, приписывающей советскому государству чуть ли не имманентное стремление к угнетению населявших его народов. В немалой степени разногласия в оценках объясняются и противоречивостью самой национальной политики, эволюционировавшей на протяжении всего периода существования советского государства. Под влиянием различных обстоятельств менялись и сами идеологемы, лежавшие в основе национальной политики, и методы ее реализации.

Указанные тенденции отчетливо проявились в советской политике на Северном Кавказе. Национально-государственное строительство и политика коренизации 1920-х гг. сменились в период Великой Отечественной войны принудительным выселением по обвинению в «измене Родине» части северокавказских народов на восток страны и ликвидацией их национально-государственных образований. Предметом данной статьи являются депортация народов Северного Кавказа и связанные с нею административно-территориальные преобразования после освобождения региона от немецкой оккупации в 1943–1944 гг.

В советской историографии считалось, что во второй половине 1930-х гг. в СССР

сложились основы социалистического общественного строя, сформировался единый советский народ как новая социальная общность. В настоящее время степень инкорпорирования северокавказских этносов в советское общество в значительной степени пересматривается. Современный исследователь отмечает: «*Народы Кавказского региона втягиваются в историческую орбиту советского государственного социализма, обладая различными внутренними социальными кондициями... Отсутствие или слабость просоветской элиты внутри некоторых из этнических групп создает ситуацию постоянного кризиса в отношениях между властью и этими группами, а эксцессы коллективизации и борьбы с религией лишь усугубляют зреющий конфликт*» [Цуциев 2006: 77]. В высокой протестной активности населения Северного Кавказа тесно сплетались социально-экономические и этнополитические факторы. В 1920–1930-х гг. здесь произошел целый ряд вооруженных выступлений.

С началом Великой Отечественной войны на Северном Кавказе часто имели место дезертирство и уклонение от воинской службы в рядах РККА. Следует отметить, что массовый призыв в РККА представителей горских народов Северного Кавказа стал проводиться только в 1940–1941 гг. До этого они в большинстве своем в армии не служили и военной подготовки не проходили, что неминуемо ослабляло их воинские качества. Далеко не все военнообязанные владели русским языком. В апреле 1942 г. приказом наркома обороны СССР был отменен призыв в армию чеченцев и ингушей [Безугольный, Бугай, Кринко 2012: 114–150].

В связи с приближением фронта в регионе значительно активизировалась деятельность антисоветских повстанческих и

* Статья подготовлена в рамках проекта «Управление полиэтничным макрорегионом России: имперский и советский опыт и современные проблемы» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг.

бандитских элементов, особенно в труднодоступных горных и предгорных районах. 28 января 1942 г. в Орджоникидзе нелегально состоялось учредительное собрание Особой партии кавказских братьев, избравшее ее исполком и оргбюро во главе с Х. Исраиловым (Терлоевым). Она начала подготовку массового вооруженного восстания в горах с целью «поражения России в войне с Германией» и создания «свободной братской федеративной республики государств — братских народов Кавказа по мандату Германской империи», на ее сторону перешел ряд партийных и советских работников, включая и сотрудников правоохранительных органов. В августе 1942 г. крупное восстание охватило Шатоевский и Итум-Калинский районы Чечено-Ингушской АССР [Клычников, Линец 2008]. Активно действовали на Северном Кавказе германские диверсанты с целью формирования банд из местных жителей и дезорганизации снабжения частей РККА. Войскам и органам НКВД не хватало сил, чтобы удерживать ситуацию под контролем. Для борьбы с бандитизмом пришлось снимать с фронта армейские части в момент немецкого наступления на Кавказе.

21–23 ноября 1942 г. до 200 бандитов напали на селения Мухол и Сауты в Черекском районе Кабардино-Балкарской АССР, сожгли здание райисполкома, ограбили дома советских активистов и коммунистов, ушедших на фронт и в партизанские отряды. Для ликвидации бандгрупп был сформирован истребительный отряд из военнослужащих и партизан во главе с командиром роты 278-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии войск НКВД капитаном Ф. Д. Накиным. В ходе операции отряд взял с боем селения Сауты и Глашево, при этом погибло немало мирных жителей. Всего с 27 ноября по 4 декабря 1942 г. сводный отряд НКВД в Черекском ущелье расстрелял около 700 человек, в том числе 155 детей в возрасте до 16 лет, сжег 519 домов. Однако после освобождения Черекского района в 1943 г. были составлены сфальсифицированные акты о том, что гибель людей являлась злодеянием оккупантов и их пособников-бандитов, проведены массовые аресты. Данные действия со стороны властных структур усиливали негативное отношение населения к советской власти [Черекская 1994].

Летом–осенью 1942 г. войска вермахта захватили Адыгейскую АО, Карачаевскую

АО и Черкесскую АО, Кабардино-Балкарскую АССР, большую часть Северо-Осетинской АССР (Ирафский, Дигорский, Ардонский, Кировский, частично Орджоникидзевский и Гизельдонский районы) и незначительную часть Чечено-Ингушской АССР (Малгобек). Население оккупированной территории подверглось воздействию нацистской пропаганды, резко критиковавшей сталинский режим и призывавшей к сотрудничеству с вермахтом. Так, «Воззвание к гражданскому населению Кавказа» утверждало: «Германская армия и ее союзники пришли к вам не как поработители, а как освободители всех кавказских народов от ненавистного вам большевистского ярма» [НА РА. Ф. Р-1563. Оп. 1. Д. 1. Л. 9]. Оккупационная пресса акцентировала внимание на непокорности Кавказа Москве, драматических событиях Кавказской войны и колонизаторской политике царизма, переселении черкесов за рубеж. В приказах немецкого командования говорилось о необходимости распустить колхозы, уважать честь горской женщины, право собственности, развивать национальные ремесла и кавказские языки. Оккупанты объявили о свободе вероисповедания на Северном Кавказе, разрешили открывать церкви. Особое внимание уделялось поддержке ислама, во многих городах и аулах появились мечети.

По инициативе партийных организаций еще до оккупации на территории Северного Кавказа создавались партизанские отряды и подпольные группы. В период оккупации они уничтожили тысячи военнослужащих вермахта и полицейских. Однако и сами партизаны понесли большие потери. Негативную роль сыграли недостатки в подготовке и комплектовании отрядов, утрата ими продовольственных баз, отсутствие связи, а в ряде случаев — и поддержки со стороны населения. В результате часть отрядов распалась и была уничтожена противником. В то же время часть населения Северного Кавказа, как и в других оккупированных регионах СССР, пошла на прямое сотрудничество с противником вследствие недовольства советской национальной и антирелигиозной политикой, коллективизацией и массовыми политическими репрессиями.

В январе 1943 г. большая часть территории Северного Кавказа была освобождена от войск вермахта. Однако вплоть до середины осени регион оставался прифронтовой территорией, подвергался вражеским

бомбардировкам. В этих трудных условиях началось расследование поведения жителей, находившихся на захваченной территории и обвинявшихся в сотрудничестве с противником, в том числе и коммунистов, многие из которых просто не успели эвакуироваться вследствие неожиданно быстрой оккупации. Только в Шовгеновском районе Адыгейской АО из 185 членов и кандидатов партии на оккупированной территории осталось 97 человек, 49 из них исключили «за активную работу на оккупантов, измену Родине и предательство» [ХДНИ НА РА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 38, 38 об.]. В Карачаевской АО в оккупации осталось 93,5 % членов Усть-Джегутинской, 69,6 % Малокарачаевской, 95% Учкуланской, 86,2 % Зеленчукской, 69,8 % Микояновской районных партийных организаций [РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 189. Л. 2об.]. Всего 565 человек, из них после изгнания фашистов 97 человек были исключены из партии, на 49 человек наложено взыскание [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 189. Л. 3]. В Урванском и Лескенском районах Кабардино-Балкарской АССР в оккупации осталось до 90 % коммунистов вместе с секретарями райкомов ВКП(б). Из 2 209 коммунистов Кабардино-Балкарии, оставшихся на оккупированной территории, 1 005 человек были исключены из партии [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 180. Л. 6–6об.]. В Ирафском районе Северо-Осетинской АССР на захваченной территории находилось свыше 50 % членов партийной организации, а всего в республике в оккупации осталось 485 коммунистов, 19 из них сдали свои партийные документы оккупантам, 318 — уничтожили или утратили их [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 221. Л. 125–126].

Значительно осложнила обстановку активизация бандитских формирований. В Учкуланском районе Карачаевской АО в январе-феврале 1943 г. вспыхнуло антисоветское восстание. Практически по всей предгорной и лесной полосе совершались террористические и диверсионные акты, убийства руководящих работников, партийных и советских активистов, грабежи государственного и колхозного имущества, распространялись слухи о скором возвращении противника [Кубань 2003: 398]. Численность дезертиров в 1943 г. на Северном Кавказе составила 20 249 человек, уклонившихся от призыва — 9 838 человек, а всего за годы войны в регионе насчитывалось 49 362 дезертира и 13 389

уклонившихся от службы в РККА [«По решению...» 2003: 425].

В результате советское руководство пришло к выводу о необходимости принятия кардинальных решений для стабилизации обстановки. Таковыми и стали депортации ряда северокавказских народов на восток страны. По мнению ряда исследователей, свою роль здесь сыграли и соображения по использованию рабской силы для осуществления индустриальных проектов, а также стремление властей «упростить этническую мозаику населения страны, которая как бы не укладывалась в схему формирования “социалистических наций” на основе национальных государственных образований» [Тишков 1994: 24]. Другие исследователи связывают причины депортаций непосредственно с самим характером советского строя и иными обстоятельствами [см.: Кропачев, Кринко 2012: 153–179].

Первыми принудительному выселению подверглись карачаевцы. Еще 9 октября 1943 г. руководство Казахской ССР, ссылаясь на указания ГКО СССР, предписало руководителям ряда областей готовиться к приему переселенцев с Северного Кавказа [Карачаевцы 1993: 14]. Через три дня, 12 октября, был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР № 115-13 о выселении карачаевского народа в Казахскую и Киргизскую ССР. Причины выселения в нем объяснялись тем, что в период оккупации Карачаевской АО «многие карачаевцы вели себя предательски, вступали в организованные немцами отряды для борьбы с советской властью, предавали немцам честных советских граждан, сопровождали и показывали дорогу немецким войскам, наступающим через перевалы в Закавказье, а после изгнания оккупантов противодействуют проводимым советской властью мероприятиям, скрывают от органов власти бандитов и брошенных немцами агентов, оказывая им активную помощь». В связи с этим Президиум Верховного Совета СССР постановил: «Всех карачаевцев, проживающих на территории области, переселить в другие районы СССР, а Карачаевскую автономную область ликвидировать». Перед СНК СССР ставилась задача «наделить карачаевцев в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству» [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 61. Л. 1].

На карачаевцах отрабатывался сам механизм принудительного переселения, впоследствии применявшийся и к другим народам Северного Кавказа. 14 октября было принято секретное постановление СНК СССР № 1118-342сс, установившее порядок переселения жителей Северного Кавказа. Спецпереселенцам разрешалось взять с собой не более 500 кг на семью принадлежавшего им имущества. Все остальное — дома и сельскохозяйственные постройки, скот и птицу, зерно и другую продукцию сельского хозяйства — они оставляли на месте. При этом скот, птица и зерно шли «на покрытие государственных обязательств, поставок 1943 г. и недоимок прошлых лет», остальное подлежало «возмещению натурой в новых местах расселения». Предполагалось, что спецпереселенцам будет предоставлена возможность построить индивидуальные глинобитные дома из местных строительных материалов, а также приспособить имевшиеся пустовавшие и требовавшие ремонта постройки для жилья. На расходы, связанные со спецпереселением, выделялось 20 млн руб. [«По решению...» 2003: 395–398].

Всего с Северного Кавказа в Казахстан и Киргизию в октябре 1943 г. были выселены 69 267 карачаевцев. Впоследствии были дополнительно выявлены и высланы еще 329 человек, из других районов Кавказа — 90 карачаевцев, 2 543 военнослужащих демобилизованы из РККА и также отправлены в принудительную ссылку. Территория упраздненной Карачаевской АО была разделена на несколько частей. Учкуланский и часть Микояновского района с бывшим центром автономии — городом Микоян-Шахар — отошли к Грузинской ССР. Здесь они составили Клухорский район, а Микоян-Шахар был переименован в Клухори. Усть-Джегутинский (в который вошла остальная часть Микояновского района), Мало-Карачаевский (переименованный в Кисловодский район) и Зеленчукский (в который включалась часть Преградненского района со станицей Преградной) районы вошли в состав непосредственно Ставропольского края. Большая часть Преградненского района была передана в Мостовской район Краснодарского края [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 61. Л. 1–2].

Однако новые границы создавали чересполосицу, причиняя неудобства в управлении. Включенная в состав Зеленчукского района часть бывшего Преградненского

района со станицей Преградной могла связываться с районным центром только через станицу Сторожевую Кировского района Черкесской АО. Поэтому Ставропольский крайисполком включил данную территорию, а также Архызские летние пастбища в Кировский район Черкесской АО. В результате административные границы Зеленчукского района остались без изменений [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 61. Л. 5]. Решением Ставропольского крайисполкома 31 декабря 1943 г. населенные пункты Крым, Холодный Родник и Ильич, а также часть Ессентукской прирезки площадью до 11 тыс. га Усть-Джегутинского района были переданы Черкесскому району Черкесской АО. Остальная часть Ессентукской прирезки площадью до 3 тыс. га вошла в Суворовский район. Карачаевская МТС была переименована в Холодно-Родниковскую и передана в Черкесскую АО. В Кисловодский сельский район были включены нагорные летние пастбища Усть-Джегутинского района, центром района утверждена станица Кисловодская [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 14. Д. 61. Л. 4].

Осенью и зимой 1943/1944 гг. органы НКВД начали подготовку операций по выселению других народов Северного Кавказа, в первую очередь самых многочисленных — чеченцев и ингушей. 31 января 1944 г. ГКО СССР принял постановление № 5073сс «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР». НКВД СССР поручалось направить в феврале–марте 1944 г. 400 тыс. спецпереселенцев в Казахскую ССР и до 90 тыс. — в Киргизскую ССР. СНК Казахской ССР и СНК Киргизской ССР обязывались «обеспечить прием, размещение и трудовое устройство прибывающих спецпереселенцев» [«По решению...» 2003: 459–461]. Для организации работы по приему скота, сельскохозяйственной продукции и другого имущества от переселяемых с Северного Кавказа чеченцев и ингушей была создана специальная Комиссия СНК СССР во главе с заместителем Председателя СНК РСФСР А. В. Гриценко, прибывшая в Чечено-Ингушскую АССР 11 февраля.

Через десять дней последовал приказ НКВД СССР № 00193 о переселении нового контингента. Операция получила название «Чечевица» и началась 23 февраля. Для ее проведения 20 февраля в Грозный прибыли лично нарком внутренних дел Л. П. Берия

совместно с комиссарами государственной безопасности Б. З. Кобуловым и И. А. Серовым, другими высокопоставленными сотрудниками центрального аппарата НКВД. В начале операции «Чечевица» были депортированы 310 630 чеченцев и 81 100 ингушей, в основном, жителей равнинных и относительно доступных горных районов. Вместе с ними были выселены 80 аварцев, 27 кумыков, 6 осетин, 2 лакца, 1 лезгин, 14 кабардинцев, 4 азербайджанца, 4 еврея, 1 ногаец, 1 даргинец. Затем численность депортируемых возросла до запланированных 478 479 чел. [Иосиф Сталин — Лаврентию Берии 1992: 11].

За три дня до начала операции Комиссия СНК СССР подготовила проекты соответствующего Указа Президиума Верховного Совета СССР о судьбе Чечено-Ингушской АССР и постановления СНК СССР о порядке заселения *«освобожденных от местного населения районов и передаче скота в освобожденные от немецкой оккупации области»* [«По решению...» 2003: 458]. В их выработке участвовали руководители Грузинской ССР, Северо-Осетинской АССР, Дагестанской АССР и Чечено-Ингушского обкома ВКП(б). Председатель СНК Грузинской ССР В. М. Бакрадзе и секретарь Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) В. А. Иванов с предлагаемым проектом районирования согласились, а руководители Дагестанской АССР и Северо-Осетинской АССР попросили увеличить передаваемую им территорию [«По решению...» 2003: 465].

Однако Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» был принят уже после выселения вайнахов, 7 марта 1944 г. В отличие от карачаевцев, чеченцам и ингушам было предъявлено обвинение в тыловом и даже в довоенном бандитизме, так как в оккупации находилась незначительная часть автономии. Выселение обосновывалось тем, *«что в период Отечественной войны, особенно во время действий немецко-фашистских войск на Кавказе, многие чеченцы и ингуши изменили Родине, переходили на сторону фашистских оккупантов, вступали в отряды диверсантов и разведчиков, забрасываемых немцами в тылы Красной Армии, создавали по указке немцев вооруженные банды для борьбы против советской власти»*, а также тем, *«что многие чеченцы и ингуши на протяжении ряда лет*

участвовали в вооруженных выступлениях против советской власти и в течение продолжительного времени, будучи не заняты честным трудом, совершают бандитские налеты на колхозы соседних областей, грабят и убивают советских людей». В результате Президиум Верховного Совета СССР постановил: *«Всех чеченцев и ингушей, проживающих на территории Чечено-Ингушской АССР, а также в прилегающих к ней районах, переселить в другие районы СССР, а Чечено-Ингушскую АССР ликвидировать»*. СНК СССР поручалось *«наделить чеченцев и ингушей в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству»* [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 1]. Законодательное оформление данного решения произошло лишь 25 июля 1946 г. с принятием Закона РСФСР «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область».

Территория упраздненной Чечено-Ингушской АССР была разделена на четыре части. Центральные районы образовали Грозненский округ в составе Ставропольского края. Первоначально Комиссия СНК СССР планировала включить в него 16 из 24 районов бывшей Чечено-Ингушской АССР, в том числе 13 в прежних границах, а 3 — в уменьшенных [«По решению...» 2003: 464]. Однако затем территорию округа уменьшили, включив в нее город Грозный в качестве его центра и районы бывшей Чечено-Ингушской АССР: Атагинский, Ачхой-Мартановский, Грозненский, Надтеречный, Старо-Юртовский, Урус-Мартановский, Шалинский, Шатоевский — в прежних границах, Гудермесский — за исключением восточной части, Сунженский район — за исключением западной части, Галанчожский и Галашкинский — за исключением южной части, и северо-западную часть Курчалоевского района [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 2].

Остальная территория отошла к соседним Северо-Осетинской АССР, Дагестанской АССР и Грузинской ССР. В состав Дагестанской АССР планировалось включить 4 района в прежних границах и еще один — с уменьшенной в два раза территорией. Однако первый секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) А. М. Алиев и председатель СНК Дагестанской АССР А. Д. Даниялов попросили дополнительно присоединить восточную

часть Гудермесского и Курчалоевского районов [«По решению...» 2003: 465]. В итоге к Дагестанской АССР были присоединены Веденский, Ножай-Юртовский, Саясановский, Чеберлоевский районы в прежних границах, Курчалоевский и Шароевский районы, за исключением северо-западной части, и восточная часть Гудермесского района [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 2].

В состав Северо-Осетинской АССР Комиссия СНК СССР планировала включить непосредственно прилегавший к Орджоникидзе Пригородный район, за исключением его южной части, Назрановский и примерно 70 % Ачалукского района. Первый секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП(б) Н. П. Мазин и председатель СНК Северо-Осетинской АССР К. Д. Кулов просили дополнительно присоединить полностью Ачалукский, Пседахский районы, Малгобекский и часть Сунженского районов [«По решению...» 2003: 465]. Их просьба также была удовлетворена. В итоге в состав Северо-Осетинской АССР вошли город Малгобек, Ачалукский, Назрановский и Пседахский районы полностью, Пригородный район, за исключением его южной части, западная часть Сунженского района [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 2–3]. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 1 марта 1944 г. в состав Северо-Осетинской АССР также был включен город Моздок Ставропольского края. Чтобы обеспечить связь Моздокского района с остальной территорией Северо-Осетинской АССР, в него передали восточную часть Курпского района Кабардино-Балкарской АССР.

В состав Грузинской ССР вошла высокогорная часть — северные склоны Кавказского хребта, располагавшиеся на территории Итум-Калинского, западной части Шароевского, южной части Галанчожского, Галашкинского и Пригородного районов бывшей Чечено-Ингушской АССР. Кроме того, Грузинской ССР передавалась юго-восточная часть Гизельдонского района Северо-Осетинской АССР [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 103. Л. 3–4].

Практически сразу же, 24 февраля 1944 г., председатель Комиссии СНК СССР А. В. Гриценко высказался за создание самостоятельной Грозненской области. Он считал нецелесообразным включение Грозненского округа в состав Ставропольского края и, обращаясь к Л. П. Берии, писал, что Ставропольский край «и без того велик, и

со стороны крайисполкома и крайкома не будет должного внимания к такому важнейшему промышленному району, каким является Грозный. Вопросы заселения, освоения и развития сельского хозяйства бывшей Чечено-Ингушской АССР и дальнейшего развития нефтяной промышленности Грозненскому округу придется решать в правительстве через Ставропольские краевые организации, что является лишней инстанцией и будет осложнять проведение указанных мероприятий» [«По решению...» 2003: 465].

В результате Грозненский округ просуществовал крайне недолго. 22 марта 1944 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о создании Грозненской области [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 93]. Помимо Грозненского округа, в нее из состава Ставропольского края были переданы Кизлярский округ, населенный преимущественно ногайцами, кумыками и терскими казаками, а также Наурский район, основу населения которого также составляли терские казаки. По своим размерам она значительно превосходила прежнюю Чечено-Ингушскую АССР. Горные районы, из которых были выселены чеченцы, составляли лишь около четверти территории Грозненской области, а большая часть ее пришлась на степи от Терека до Каспийского моря.

5 марта 1944 г. было принято постановление ГКО СССР № 5309. В Киргизскую ССР «навечно в места постоянного и обязательного поселения» направлялись 8 542 балкарских семьи общей численностью в 36 741 человек. В течение нескольких последующих лет были дополнительно выселены 340 балкарцев, прибывших по демобилизации из армии, из мест заключения и по репатриации: в 1944 г. — 50 человек, в 1945 г. — 104 человека, в 1946 г. — 135 человек, в 1947 г. — 45 человек, в 1948 г. — 6 человек. Всего — 37 081 человек [Иосиф Сталин — Лаврентию Берии 1992: 247–248].

Как и в случае с чеченцами и ингушами, уже после депортации, 8 апреля 1944 г., был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении балкарцев, проживавших в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР». Он содержал стандартное обоснование выселения: «В связи с тем, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Кабардино-Балкарской

АССР многие балкарцы изменили Родине, вступали в организованные немцами вооруженные отряды и вели подрывную работу против частей Красной Армии, оказывали фашистским оккупантам помощь в качестве проводников на Кавказских перевалах, а после изгнания Красной Армией с Кавказа войск противника вступали в организованные немцами банды для борьбы против советской власти». На основании вышеизложенного Президиум Верховного Совета СССР постановил: «Всех балкарцев, проживавших на территории Кабардино-Балкарской АССР, переселить в другие районы СССР». СНК СССР предлагалось «наделить балкарцев в новых поселениях землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству». В свою очередь, «земли, освободившиеся после выселения балкарцев», предполагалось «заселить колхозниками из малоземельных колхозов Кабардинской АССР» [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 102. Л. 1–2]. В связи с выселением балкарцев Кабардино-Балкарскую АССР переименовали в Кабардинскую автономную советскую социалистическую республику. Юго-западная часть Эльбрусского и Нагорного районов была включена в состав Верхне-Сванетского района Грузинской ССР [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 102. Л. 1–2].

Соответствующие решения принимали и местные органы власти. 15 апреля 1944 г. бюро Кабардинского обкома ВКП(б) постановило изменить административное районирование Кабардинской АССР в связи «с переселением балкарского населения в другие районы СССР и передачей части Курпского района в состав Северо-Осетинской АССР» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 395. Л. 128–129]. Специальная комиссия в пятидневный срок разработала и представила на рассмотрение бюро обкома ВКП(б) свои соображения об установлении границ районов и переименовании населенных пунктов. Еще через 10 дней бюро Кабардинского обкома ВКП(б) утвердило новые границы Лескенского, Советского (бывшего Хуламо-Безенгиевского), Нальчикского, Чегемского, Эльбрусского и Нагорного районов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 395. Л. 156]. Данные изменения закрепил Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О перенесении районных центров Нагорного, Урванского и Чегемского районов, переименовании Хуламо-Безенгиевского района

и о ликвидации Черекского района Кабардинской АССР» от 29 мая 1944 г. [«По решению...» 2003: 509–510].

Общая численность переселенцев, высланных с ноября 1943 г. по март 1944 г. с Северного Кавказа «на постоянное жительство» в Казахскую ССР и Киргизскую ССР, составила 602 193 человека, в том числе 496 460 чеченцев и ингушей, 68 327 карачаевцев, 37 406 балкарцев [«По решению...» 2003: 510]. Переселенцы разместились на огромной территории от Северного Казахстана до предгорий Памира. Судя по документам органов НКВД, в большинстве случаев выселение и обустройство на новом месте репрессированных народов прошли спокойно: спецпереселенцев размещали в основном по колхозам, устраивали на работу. Однако и в пути, и в местах ссылки они столкнулись с немалыми трудностями. Сам правовой статус представителей репрессированных народов первоначально не был определен, создавая основы для различных злоупотреблений. Только 8 января 1945 г. было принято постановление СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев». В нем отмечалось, что спецпереселенцы пользовались всеми правами граждан СССР, за исключением того, что без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД не могли отлучаться за пределы района расселения. Самовольная отлучка квалифицировалась как побег и влекла уголовную ответственность. Главы семей или лица, их заменявшие, обязывались в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях в составе семьи (рождении ребенка, смерти члена семьи, побеге и т. д.). Все трудоспособные спецпереселенцы обязывались заниматься общественно полезным трудом, местные советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД обеспечивали «трудоустройство спецпереселенцев в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках, в хозяйственно-кооперативных организациях и учреждениях». От спецпереселенцев требовалось строгое соблюдение установленного режима и общественного порядка в местах расселения, подчинение всем распоряжениям спецкомендатур НКВД. За нарушение режима и общественного порядка в местах расселения спецпереселенцы подвергались административному взысканию в виде штрафа до 100 руб. или ареста до 5 суток [Иосиф Сталин — Лаврентию Берии 1992].

Одной из основных форм протеста представителей репрессированных народов против принудительной ссылки стали побеги на родину. 26 ноября 1948 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». В нем говорилось, что переселение чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев и других репрессированных народов *«произведено навечно, без права возвращаться к их прежним местам жительства»*. За побег вводилось суровое наказание — 20 лет каторжных работ [Карачаевцы 1993: 17].

В целом, жизнь в принудительной ссылке, под надзором спецкомендатур НКВД, в совершенно иных, чем на родине, природно-климатических условиях стала тяжелым испытанием для депортированных народов. Отсутствие необходимых социально-бытовых условий, массовый голод, особенно в первое время, частые вспышки инфекционных заболеваний, тяжелый труд вызвали массовую смертность. Тем не менее, многие представители высланных народов Северного Кавказа в Казахстане и Киргизии научились выращивать новые для себя сельскохозяйственные культуры, добывали руду в шахтах, прокладывали дороги и каналы. Немало спецпереселенцев было представлено к правительственным наградам за успехи в труде [Тетуев 2012].

В то же время серьезной проблемой для советского руководства стало заселение опустевших территорий упраздненных автономий. В качестве переселенцев широко использовались жители соседних регионов. В 11 районов бывшей Чечено-Ингушской АССР, вошедших в состав Грозненской области, из Ставропольского края было переселено 6 800 семей, а из самой Грозненской области и Грозного — 5 892 хозяйства колхозников. Всего до 15 мая в бывшие чеченские и ингушские села переселили 12 692 семейства, из которых были организованы 65 колхозов. До выселения в них размещались 32 110 хозяйств чеченцев и ингушей. В результате количество новых переселенцев составило менее 40 % от прежнего населения. Незаселенными оставались 22 села, а 20 сел были заселены частично. В феврале-марте 1945 г. в Грозненскую область переместили 2 000 хозяйств из Брянской, Вологодской, Ивановской, Калужской и Киров-

ской областей [«По решению...» 2003: 473]. Всего в районы, вошедшие в Грозненскую область, было переселено из РСФСР, Украинской ССР и Молдавской ССР 78 тыс. человек. В районы, отошедшие Дагестанской АССР после ликвидации Чечено-Ингушской АССР, переселились из высокогорных районов республики 46 тыс. аварцев, даргинцев и представителей других народов Дагестана. Бывшие чеченские (аккинские) села на территории Дагестана (упраздненный Ауховский район) заселялись лакцами и аварцами. В районы, включенные в состав Северо-Осетинской АССР, переселились 55 тыс. человек, в том числе 26 тыс. осетин из высокогорных населенных пунктов Юго-Осетинской АО Грузинской ССР и 15 тыс. осетин из Северо-Осетинской АССР. В Грузинской ССР в Клухорский район из горных районов переселялись сваны, рачинцы и лечхумцы, в южные районы бывшей Чечено-Ингушетии — хевсурцы и тушины. Но значительная часть территории, вошедшей в состав Грузинской ССР, так и осталась незаселенной.

Административно-территориальный передел на Северном Кавказе в 1943–1944 гг. стал новым этапом в развитии советской национальной политики. Как и административные преобразования первых советских десятилетий, он отражал стремление власти перекраивать карту региона в соответствии с определенными целями и задачами. Таковыми на тот момент в первую очередь считались стабилизация ситуации на Северном Кавказе и подавление протестных движений, наиболее опасными формами которых являлись сотрудничество с противником, массовое дезертирство и уклонение от службы в РККА, бандитизм в советском тылу, приобретший особенно угрожающий характер в условиях прифронтовой территории. Ответственность за данные негативные явления возлагалась на целые народы, несмотря на то, что многие их представители служили в рядах действующей армии, сражались в партизанских отрядах, работали в тылу. На фронте воевали свыше 10 тыс. балкарцев, 15,6 тыс. карачаевцев, 17,3 тыс. чеченцев и ингушей [Карачаевцы 1993: 9, Бугай 2011: 358, 369]. Многие из них погибли, защищая Родину. Немало выходцев с Северного Кавказа были удостоены правительственных наград, другие не получили их из-за своей принадлежности к репрессированным народам. Однако в ссылку должны были отправиться

все: и те, кто сотрудничал с оккупантами и оказывал помощь бандитам, и те, чьи родственники воевали на фронте.

Новые границы порой кроились и перекраивались достаточно произвольно, без учета этнического состава населения, неминуемо порождая в дальнейшем территориальные споры и конфликты. В частности, при установлении границы между Грозненской областью и Северо-Осетинской АССР в распоряжении их представителей вообще не было «ни графического проекта, ни такой карты, которая позволила бы определить положение вновь устанавливаемой границы в натуре по приведенным в тексте указа пунктам (высотам)». Более того, «ни одной из сторон не было известно, какая именно карта, какого года издания и масштаба была положена в основу описания границ». Поэтому «попытки определить местонахождения необходимых высот путем вычислений по имеющимся картам не дали никаких результатов, так как таких высот или совсем не находилось, или они располагались на территории, не затрагиваемой описательной частью Указа». Лишь позже, по договоренности представителей Грозненской области и Северо-Осе-

тинской АССР граница была установлена в пределах Сунженского района [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 11. Л. 22–23]. Опустевшие территории заселялись новыми жителями, однако их численность, особенно в первые годы, значительно уступала прежней, вызывая неминуемый спад в ряде отраслей народно-хозяйственного комплекса, особенно в традиционных для данного региона видах трудовой деятельности.

В то же время советское руководство не отказалось от самих принципов и форм национально-государственного устройства СССР. Отдельные национальные республики и области даже существенно выиграли в ходе административных преобразований 1943–1944 гг. вследствие как ликвидации ряда субъектов, так и передачи им территорий, населенных русскими (терскими казаками), ногайцами, кумыками и другими народами, не имевшими собственных национально-государственных образований. Таким образом, наказание одних и поощрение других народов, считавшихся более лояльными, и изменения в судьбе их национально-государственных образований не меняли самих принципов советской политической системы.

Источники

- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
Национальный архив Республики Адыгея (НА РА).
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
Хранилище документации новейшей истории Национального архива Республики Адыгея (ХДНИ НА РА).

Литература

- Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М.: Изд-во Центрполиграф, 2012. 479 с.
Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М.: Гриф и К, 2011. 510 с.
Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / сост. Н. Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. 288 с.
Карачаевцы: Выселение и возвращение, 1943–1957: Материалы и документы. Черкесск: Изд-во «ПУЛ», 1993. 176 с.
Клычников Ю. Ю., Линец С. И. Северокавказский узел: особенности: конфликтного потенциала (исторические очерки). Изд. 2-е.

Sources

- [The Document Repository of the Newest History of the National Archives of the Republic of Adygeya]. (In Russ.)
[The National Archives of the Republic of Adygeya]. (In Russ.)
[The Russian State Archives of Social and Political History]. (In Russ.)
[The State Archive of the Russian Federation]. (In Russ.)

References

- [“By Decision of the Government of the Union of Soviet Socialist Republics...”. (Deportation of Peoples: Documents and Materials)]. N. F. Bugay, A. M. Gonov (compl.). Nalchik: El-Fa, 2003. 927 p. (In Russ.)
Bezugolny A. Yu., Bugay N. F., Krinko E. F. [Mountain Dwellers of the North Caucasus in the Great Patriotic War of 1941–1945: Problems of History, Historiography and Source Study]. Moscow: Center-polygraph Publ., 2012. 479 p. (In Russ.)
Bugay N. F. [L. Beria to I. Stalin: “After your Instructions the Following was Carried out...”]. Moscow: Grif & K., 2011. 510 p. (In Russ.)
[Cherek Tragedy]. Nalchik: Elbrus, 1994. 201 p. (In Russ.)
[Joseph Stalin to Lavrentiy Beria: “They must be deported...”: Documents, Facts, Comments].

- Пятигорск: РИА-КМВ, 2008. 211 с.
Кропачев С. А., Кринко Е. Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М.: РОССПЭН, 2012. 350 с.
Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Краснодар: Советская Кубань, 2003. Кн. 2. Ч. 1: Хроника событий. 1943 год. 896 с.
«По решению правительства Союза ССР...». (Депортация народов: документы и материалы) / сост. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. Нальчик: Издат. центр «Эль-Фа», 2003. 927 с.
Тетюев А. И. Повседневная жизнь и стратегия выживания спецпереселенцев в 40–50-е гг. XX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 33–42.
Тишков В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Мат-лы Международ. конф. 1993 г. / отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 1994. С. 9–34.
Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Изд-во «Европа», 2006. 128 с.
Черекская трагедия. Нальчик: Эльбрус, 1994. 201 с.

- N. F. Bugay (compl.). Moscow: Friendship of Peoples, 1992. 288 p. (In Russ.)
[The Karachays: Eviction and Return, 1943–1957: Materials and Documents]. Cherkessk: PUL Publ., 1993. 176 p. (In Russ.)
Klychnikov Yu., Linets S. I. [North Caucasian Knot: Features of the Conflict Potential (historical essays)]. 2nd ed. Pyatigorsk: RIA-KMV, 2008. 211 p. (In Russ.)
Kropachev S. A., Krinko E. F. [Losses of the USSR Population in 1937–1945: Scale and Forms. Fatherland Historiography]. Moscow: ROSSPEN, 2012. 350 p. (In Russ.)
[Kuban during the Great Patriotic War. 1941–1945: Declassified Documents. Chronicle of Events]. In 3 books. Book 2. Part 1. Chronicle of Events. Year 1943. Krasnodar: Soviet Kuban, 2003. 896 p. (In Russ.)
Tetuev A. I. [Everyday Life and Survival Strategy of Special Resettles in the 40–50s of the 20th Cent.]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2012. No. 3. Pp. 33–42. (In Russ.)
Tishkov V. A. [Nationalities and Nationalism in the Post-Soviet Space (historical aspect)]. In: [Ethnicity and power in multi-ethnic states]. Conf. proc. V. A. Tishkov (ed.). Moscow: Nauka, 1994. Pp. 9–34. (In Russ.)
Tsutsiev A. [Atlas of Ethnopolitical History of the Caucasus (1774–2004)]. Moscow: Evropa Publ., 2006. 128 p. (In Russ.)